

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№ 2.

10 ЯНВАРЯ 1860 Г.

Цѣна 10 р. с. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 р. с.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 р. 50 к. с.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стедоеваго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ газетныхъ экспедиціяхъ. Въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и въ книжномъ Баунова. Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ № 1-го со всеми приложениями.

Къ № 2-му прилагаются: три фантазіи, для фортепiano въ двѣ руки, соч. Мендельсона-Бартольди.

Содержаніе: Театральная лѣтопись. — Поднесеніе капелмейскаго жезла г. Е. Бавери. — Маркиза Помпадуръ и пѣвица. — Юлія Пастрана въ казанскомъ театрѣ. — Вѣсти отсюду. — Музыкальная кунсткамера. — Мой протестъ противъ объясненія, помѣщенного въ № 1-мъ Т. и М. Вѣстника. — Опечатка. — Репертуаръ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Начиная съ 1 Января по сегодняшній день, репертуаръ всѣхъ театровъ составляемъ былъ на праздничномъ положеніи, т. е. большею частію повторялись пьесы, имѣвшія успѣхъ въ теченіе сезона, и о которыхъ Вѣстникъ отдавалъ отчеты въ свое время. Въ пятницу былъ бенефисъ г-на Самойлова, программа котораго необыкновенно занимательна, въ субботу дебютъ г-жи Бальфъ въ Травіатѣ, сегодня спектакль въ пользу г. Дешана, но всѣ эти новости могутъ составить предметъ слѣдующей лѣтописи; сегодня ограничимся перечнемъ пьесъ, данныхъ во всѣхъ театрахъ и помѣщаемъ его отдѣльно, что и будемъ продолжать въ каждомъ №. Печатаю такимъ образомъ репертуаръ въ теченіе всего года, мы надѣемся, что Вѣстникъ послужитъ современемъ матеріаломъ для историка нашей театральной дѣятельности. Говорить подробно будемъ только о новыхъ и замѣчательныхъ явленіяхъ; съ помощію же репертуара читатели будутъ имѣть возможность слѣдить вообще за дѣятельностію нашего театрального міра. Во все время праздниковъ стеченіе публики въ театрахъ было необыкновенное, вездѣ полныя сборы и удовлетворить всѣхъ желающихъ получить билеты не было никакой возможности. Впрочемъ въ продолженіе всего сезона публика многочисленно посѣщала всѣ театры, изъ чего видно, что театръ рѣшительно сдѣлался у насъ общественной потребностію и составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ и конечно благороднѣйшихъ источ-

никовъ нашихъ удовольствій—явленіе весьма утѣшительное; душевно желаемъ только, чтобы 1860 г. обогатилъ нашъ національный репертуаръ, чтобы нашъ русскій театръ процвѣталъ все болѣе и болѣе.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о двухъ бенефисахъ, состоявшихся въ прошедшую субботу (2 января) въ пользу гг. Давелуи и Монджини. Г. Давелуи полезный и заслуженный актеръ, принимавшій въ продолженіе многихъ лѣтъ, дѣятельное участіе въ составѣ нашей французской труппы. Нѣсколько мѣсяцевъ уже онъ находится подъ игомъ тяжелой болѣзни, и начальство назначило, въ видѣ пособія, спектакль въ пользу больного артиста. Всѣ товарищи его съ самымъ благороднѣйшимъ соревнованіемъ занялись устройствомъ спектакля, въ которомъ приняли участіе и итальянскіе артисты: Г-жа Нантье-Дидье и г. Тамберпикъ. Послѣдствіемъ такого одушевленнаго стремленія къ доброму дѣлу были: самый разнообразный и занимательный спектакль и полный сборъ. Всѣ мѣста были разобраны въ самое короткое время, не смотря на увеличенныя цѣны. Это былъ одинъ изъ оживленнѣйшихъ французскихъ спектаклей въ нынѣшнемъ сезонѣ. Въ заключеніе, въ живой картинѣ, явились всѣ артисты французской труппы и такимъ образомъ вся рѣшительно труппа приняла участіе въ исполненіи добраго дѣла. Подробная программа помѣщена въ репертуарѣ.

Въ бенефисъ г. Монджини возобновленъ *Волшебный стрелокъ*. Не смотря на одновременность бенефиса г. Давелуи, и Большой театръ былъ рѣшительно наполненъ, меломаны наши успѣли насладиться красотами любимаго произведенія Вебера. Исполненіе и при новой обстановкѣ было вполне удовлетворительно, конечно если не принимать въ расчетъ нѣкоторыя мелочи, неизбѣжныя при первомъ представленіи. Публика громко выражала, въ продолженіе всего вечера, свой восторгъ артистамъ, не забывая также и виновника роскошной постановки, г. Роллера. Дѣйствительно, декорація втораго дѣйствія—вѣнецъ декоративнаго искусства: подобной постановкой едва ли можетъ щегольнуть какая либо изъ европейскихъ сценъ. Партія тенора во вдохновенномъ произведеніи Вебера самая неблагоприятная: постоянно встрѣчающіяся низкія ноты

требуютъ отъ исполнителя необыкновенно обширный діапазонъ. Хорошо, что діапазонъ г. Монджини подходитъ какъ нельзя болѣе къ этой партіи, онъ исполнилъ ее блистательно, съ большимъ и вполне заслуженнымъ успѣхомъ, выраженнымъ постоянными вызовами и роскошными букетами. Знаменитый романсъ 1-го д. пропѣтъ былъ съ большимъ чувствомъ и умѣренностію, слѣдующая за тѣмъ арія съ увлеченіемъ. Вообще всю партію исполнилъ онъ съ большимъ уваженіемъ къ партитурѣ великаго композитора и еще разъ убѣдилъ насъ, что ему стоитъ только не слишкомъ увлекаться, чтобы въ свою очередь увлечь слушателей. Повторяемъ, голосъ г. Монджини, по своей силѣ, обширности и полнотѣ—единственный въ мірѣ, и мы увѣрены, что онъ рано или поздно сдѣлается любимцемъ рѣшительно всей публики, въ особенности, если на долю его выпадутъ партіи благодарнѣе тѣхъ, которыя пришлось ему исполнять въ нынѣшнемъ сезонѣ. Большинство публики и теперь высоко ставитъ г. Монджини, иначе и быть не можетъ: что бы ни говорили, онъ все-таки одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ теноровъ. Замѣьте, что онъ еще очень молодъ и при всеобщемъ неурожаѣ въ послѣднее время голосовъ, нельзя имъ не дорожить.

Г-жа Лагруа (Агата) имѣла тотъ громадный успѣхъ, къ которому она уже привыкла съ начала сезона; прибавимъ, что адажіо (молитву) большой аріи 2-го дѣйствія она исполнила mezza-voce съ большимъ чувствомъ, выраженіемъ, даже можно сказать вдохновенно; слѣдующее за тѣмъ аллегро насъ не вполне удовлетворило: недоставало силы, полноты, въ слѣдствіе чего артисткѣ неизбежно пришлось форсировать свои средства. Игра г-жи Лагруа, по обыкновенію, исполнена была драматизма, но по мнѣнію нашему, избытокъ драматизма имъ не мѣшало выразить вполне личность Агаты, сентиментальной, наивной германской дѣвушки-мечтательницы.

Г-жа Бернарди явилась самой миловидной Анхентъ, какую только можно себя представить; она исполнила свою партію весьма удовлетворительно и имѣла успѣхъ; немного побольше развязности въ игрѣ и положительно можно бы сказать, что г-жа Бернарди прекрасная Анхентъ.

Роль Каспара, по прежнему, успѣшно исполнилъ г. Марини, хотя въ настоящее время у него не вездѣ доставало той силы, которой требуетъ эта партія. Оркестръ велъ свое дѣло прекрасно, исполненіе увертюры вызвало громкія рукоплесканія; по общему требованію, финалъ увертюры былъ повторенъ.

М. Р.

ПОДНЕСЕНІЕ Г. Е. БАВЕРИ КАПЕЛЬМЕЙСТЕРСКАГО ЖЕЗЛА МУЗЫКАНТАМИ ОРКЕСТРА ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕРЫ.

Новый 1860 годъ начался замѣчательнымъ въ нашемъ музыкальномъ кругу событіемъ, о которомъ «Театральный и Музыкальный Вѣстникъ» считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія своихъ читателей. Изъ заглавія статьи нашей видно, о чемъ мы хотимъ говорить. Расскажемъ мы о событіи безъ всякихъ разсужденій и поясненій: оно само за себя говоритъ.

Въ самый день новаго года, гг. артисты оркестра Итальянской оперы поднесли своему капельмейстеру, г. Эдуарду Бавери, капельмейстерскій жезлъ. Депутаты, которымъ было поручено это поднесеніе, явились въ квартиру г. Бавери въ 9 часовъ утра. Представителями русскихъ музыкантовъ былъ г.

В. Латышевъ-старшій, представителемъ нѣмецкихъ музыкантовъ—г. Всеволодъ Мауреръ, представителемъ итальянцевъ и французовъ г. Ферреро. Г. Мауреръ поздравилъ капельмейстера съ новымъ годомъ отъ имени всѣхъ артистовъ оркестра итальянской оперы; поздравленіе это было выражено въ письмѣ, подписанномъ восьмидесятью четырьмя артистами. Вотъ это письмо въ переводѣ:

«Милостивый государь!

Съ 1847 года пользуемся мы честью имѣть васъ нашимъ начальникомъ, и въ продолженіе этого времени всякій изъ насъ могъ только похвалить ваше съ нами обхожденіе. Такъ да будетъ намъ позволено, по случаю наступающаго года, поднести вамъ эту вещь на память (ce petit souvenir), какъ слабое доказательство нашей признательности и нашего уваженія. Мы увѣрены, что вы не откажетесь принять, въ то же время, искреннія пожеланія наши о томъ, чтобы еще долго остаться подъ вашимъ управленіемъ.

Артисты-музыканты с. петербургской Итальянской Оперы.»

За подписями артистовъ, слѣдовалъ перечень всѣхъ оперъ, которыми г. Бавери дирижировалъ съ 1847 года; число ихъ простирается до шестидесяти восьми.

По прочтеніи письма, г. В. Латышевъ поднесъ жезлъ, вышедшій изъ мастерской г. Николая Сазикова, имѣющаго магазинъ въ Михайловской улицѣ, въ домѣ княгини Мещерской. Ручки жезла сдѣланы изъ золота. По гладкому, ярко-полированному фону вѣтся матовая выпуклая лавровая вѣтвь и, рядомъ съ нею, надпись: Les artistes de l'orchestre Imperial de l'Opera Italien de S. Petersbourg. Ручка кончается золотымъ же шарикомъ, въ который вставлена палочка изъ слоновой кости. Шарикъ украшенъ выпуклыми изображеніями музыкальных атрибутовъ и двумя небольшими медальонами, съ надписями: A M-r E. Baveri и Le 1 Janvier 1860. Внизу ручки вставленъ большой *пальчикъ*, окруженный двѣнадцатью бриллиантами. Отдѣлка жезла и рисунокъ его дѣлаютъ величайшую честь г. Николаю Сазикову.

Нечего и говорить, что г. Бавери, неожиданный такой лестной награды отъ своихъ товарищей, былъ тронутъ до слезъ и не зналъ какъ благодарить.

Въ тотъ же день была въ Большомъ театрѣ репетиція. Когда г. Бавери ступилъ на барьеръ, чтобы спуститься къ своему пульпиту, его встрѣтилъ тушъ всѣхъ мѣдныхъ инструментовъ оркестра и громкій восторженный крикъ всѣхъ музыкантовъ, къ которому присоединились пѣвцы, стоявшіе на сценѣ и хоры. Ставъ на свое мѣсто, г. Бавери вынулъ письмо, написанное въ отвѣтъ на полученное имъ утромъ и прочелъ его прерывающимся отъ слезъ и волненія голосомъ. По прочтеніи письма тушъ и крики повторились. Затѣмъ началась репетиція; но долго еще ослабленный внутреннимъ волненіемъ, стоялъ г. Бавери, облокотясь на свой пультъ и долго тихія, но обильныя слезы текли по лицу его.

Вотъ переводъ письма г. Бавери: «Товарищи и друзья,

«Я такъ взволнованъ, что не нахожу слова выразить, сколько сердце мое тронутъ знакомъ отличія и любви, которыми вы меня сегодня почтили. Эта награда выше заслугъ моихъ; а если я и заслужилъ ее, то только благодаря вашему содѣйствію. Я вижу, что вы меня любите, и очень вамъ за это благодаренъ. Первый день 1860 года начался для меня подъ очень счастливыми предзнаменованиями, а потому върете, господа,

что сердце мое сжимается при мысли, что может быть скоро мнѣ придется разстаться съ вами. Но что бы ни случилось, будьте увѣрены, что я никогда не забуду о прекрасныхъ дняхъ, проведенныхъ среди васъ, и что моя благодарность будетъ вѣчная. Горжусь, что имѣлъ честь управлять оркестромъ с. петербургской Итальянской Оперы, состоящимъ изъ столькихъ отличныхъ артистовъ.»

Неправда ли, что рассказанное нами здѣсь не требуетъ поясненій, что событіе краснорѣчиво говоритъ само за себя?

Честь и слава тому, кто заслужилъ такой почетъ! Честь и слава тѣмъ, которые сумѣли оцѣнить заслуги и достоинства товарища!

МАРКИЗА ПОМПАДУРЪ

II ПѢВНИЦА.

Жанна Антуанета Пуасонъ благосклонно приняла отъ страстно влюбленного короля титулъ «маркизы Помпадуръ». Людовикъ XV былъ въ восхищеніи отъ этой милости, а съ нимъ естественно и весь услужливый дворъ, и 1745 годъ, въ которомъ вышеупомянутая дама, подобно звѣздѣ первой величины, явилась на горизонтѣ Франціи, былъ записанъ въ лѣтописяхъ государства. Каждый наперерывъ съ королемъ старался угадать помыслы и желанія всемогущей владычицы; представители искусствъ также не остались назади, особенно музыки, которую очаровательная маркиза удостоивала своимъ предпочтеніемъ. Однако мадемоазель Леморъ, первая звѣзда оперы, составляла исключеніе изъ этого сонма поклонниковъ, потому что она завидовала быстрому побѣдамъ маркизы, или считала поклоненіе унижительнымъ для своего самолюбія; Леморъ была необыкновенная красавица и составила около себя цѣлый дворъ обожателей, въ главѣ которыхъ стояли первые молодые вельможи двора, виконтъ Декадъ и маркизъ де-Буфлеръ.

Но эти преданные господа всѣ вмѣстѣ не могли замѣнить для мадемоазель Леморъ, сводившей съ ума весь Парижъ своимъ чуднымъ пѣніемъ, одного Людовика XV и она рѣшилась составить оппозицію противъ маркизы, которая давно уже колола ей глаза своими торжествами. При такихъ обстоятельствахъ наступилъ вечеръ концерта, устроеннаго королемъ, для развлечения дамы своего сердца; нечего и говорить, что всѣми прославляемое имя пѣвицы Леморъ стояло первое на программѣ; каждый кто имѣлъ доступъ ко двору, старался попасть въ этотъ блистательный концертъ. До сихъ поръ все шло отлично, но мадемоазель Леморъ отличалась большими причудами и упрямствомъ; къ тому же она была до того отуманена фиміамомъ, который ей курили, что самолюбію ея не было границъ; это препятствіе однако забыли при дворѣ, а оно-то и разстроило концертъ. Утромъ, въ день знаменитаго концерта, въ салонъ пѣвицы собрался, по обыкновенію, цвѣтъ парижскихъ модниковъ, вздыхать у ногъ красавицы, въ сотый разъ восхвалять ея прелести, воспѣвать въ прозѣ и стихахъ созданіе послѣдней роли обворожительной Леморъ и добиться, по крайней мѣрѣ, милостиваго взгляда, если не болѣе. Разговоръ зашелъ о предстоящемъ концертѣ при дворѣ; каждый изъ присутствующихъ пахотилъ рассказать много занимательныхъ подробностей, которыя успѣлъ поймать на лету, такъ какъ

составъ праздника старались сколько могли удержать въ тайнѣ.

— Концертъ будетъ великолѣпнѣе, сказалъ маркизъ де-Буфлеръ; король надѣется восхитить маркизу этимъ музыкальнымъ вечеромъ! Только бы не встрѣтилось какого препятствія, я бы ни за что въ мірѣ, не желалъ быть причиной неудачи этого блистательнаго праздника; король разсердится, а вы знаете, гнѣву его нѣтъ границъ; но еще болѣе надобно бояться маркизы Помпадуръ.

— Боятся?.. Вотъ смѣшно! вскричала пѣвица, раздосадованная тѣмъ, что власть маркизы ставили такъ высоко.

— Не шутите съ маркизой, о муза пѣпія, возразилъ виконтъ Декадъ, съ комическою важностью; за исѣ богатства Индіи не захотѣлъ бы я павлечь на себя гнѣвъ всемогущей.

— А я смѣюсь надъ ея гнѣвомъ, отвѣчала прекрасная Леморъ, раздраженная сопротивленіемъ, и въ доказательство словъ моихъ не буду вечеромъ пѣть, даже не извинюсь передъ дворомъ ни однимъ словомъ.

И красавица небрежно откинулась въ кресло; присутствующіе громко высказали свое сомнѣніе и удивлялись ея отважности; по пѣвица осталась при своемъ словѣ изъ гордости, хотя внутренне сознавалась сама въ своей опрометчивости. Слово было выговорено и она не хотѣла измѣнить ему, сколько ее ни просили, ни умоляли; посѣтители разошлись, спѣшна заняться своими вечерними нарядами для концерта; прекрасная героиня оппозиціи снова повторила клятву, не пѣть сегодня вечеромъ, не смотря ни на что въ мірѣ.

Цѣлое море свѣта обило залы королевскаго дворца, въ которыхъ толпились придворные и высшее дворянство, въ блестящихъ золотомъ и драгоценными камнями платьяхъ; знакъ для начатія концерта былъ поданъ. Интродукція кончилась, оркестръ превзошелъ себя, слушатели изъявляли свое удовольствіе, одинъ распорядитель концерта въ безпокойствѣ, съ трепетомъ ожиданія бѣгалъ взадъ и впередъ по корридору, заглядывая па лѣстницу и прислушивался къ стуку каретъ; третій нумеръ концерта была арія знаменитой Леморъ, а она еще не являлась. Послѣдовала долгая пауза; арія должна начинаться, маркиза выказываетъ терпѣніе, Людовикъ XV обнаруживаетъ сильное неудовольствіе при этомъ замедленіи, наконецъ распорядитель концерта выходитъ и объявляетъ о болѣзни пѣвицы. Концертъ не удался, лучшее украшеніе его исчезло, вечеръ былъ потерянъ, маркиза Помпадуръ осталась въ дурномъ настроеніи духа, чело короля облеклось тучами, слѣдовательно и весь дворъ не смѣлъ болѣе веселиться; однимъ словомъ, пѣвица посмѣялась надъ всѣми втихомолку. Придворный камердинеръ короля былъ посланъ въ ея жилище и явился къ ней едва переводя дыханіе. Къ ужасу своему, нашелъ онъ пѣвицу лежащую въ очаровательномъ неглиже на диванѣ, и распѣвающую самую веселую арію. Когда камердинеръ, задыхаясь отъ торопливости, напомнилъ пѣвицѣ, что ей пора спѣшить въ придворный концертъ, она возразила улыбаясь: «Милый мой, я буду пѣть въ другой разъ, сегодня я совсѣмъ забыла о концертѣ, а теперь уже поздно ѣхать!» потомъ повернулась къ нему спиной, и продолжала пѣть своимъ соловьинымъ голосомъ.

Распорядитель концерта не смѣлъ открыть королю всей истины, по услужливые языки рассказали правду маркизѣ Помпадуръ, а маркиза не любила забывать оскорбленій. Между тѣмъ прошло нѣсколько недѣль; Леморъ оставалась по прежнему царицей пѣнія; остроумный анекдотъ возвышалъ ея тор-

жество, увеличивая толпу поклонников и нѣсколько сатиры вышло на долю маркизы, пока наконецъ происшествіе это по-непому забылось и было замѣнено новыми событіями въ высшемъ кругу. Всѣ удивлялись могуществу прелестной пѣвицы и въ одинъ вечеръ, когда большой кругъ почитателей музыки собрался у пей, вошелъ ея камердинеръ и подалъ ей письмо отъ короля и маркизы. Леморъ, не вѣря глазамъ своимъ, поспѣшно распечатала письмо, быстро пробѣжала строки и потомъ съ торжествующимъ видомъ подала его маркизу де-Буфлеръ, воскликнуть съ самодовольствіемъ;—«Чптайте, маркизь, и знайте, что довольно быть пѣвицей Леморъ, чтобы никого не бояться».

Маркизь и съ нимъ вмѣстѣ всѣ гости, прочитали письмо, заключающее въ себѣ самое дружески—любезное приглашеніе маркизы, чтобы Леморъ на слѣдующій день пріѣхала къ обѣду во дворецъ; притомъ очень жалѣли о нездоровьѣ пѣвицы, помѣшавшемъ ей украсить своимъ пѣніемъ послѣдній придворный концертъ. Обѣдъ назначенъ былъ въ одномъ бо-льшомъ отелѣ маркизы въ центрѣ Парижа. Всѣ прочитали милостивыя строки, всѣ своими глазами увѣрились въ истинѣ этой новости, которая скоро переходила отъ одного къ другому, и на другое утро сдѣлалась предметомъ разговора всего придворнаго круга. Многіе придворные поторопились домой, въ надеждѣ найти у себя такое же приглашеніе, но ни одинъ парижанинъ, ни одна парижанка не дождалась этой чести; весь Парижъ завидовалъ пѣвицѣ; очевидно было, она удостоилась чести, быть приглашенной въ тѣсный семейный кружокъ короля.

Насталъ желанный день. Несмотря на то, что пронзительный вѣтеръ далеко разносилъ снѣжные хлопья, болѣе ста человекъ собралось на улицу, чтобы собственными глазами видѣть торжество пѣвицы или взглянуть на достойныхъ зависти соучастниковъ таинственнаго обѣда. Сіяющая отъ счастья Леморъ съ побѣдоноснымъ видомъ, одѣтая съ неслыханною роскошью, сѣла въ карету маркиза де-Буфлера, который счелъ не лишнимъ предложить свой экипажъ и прислугу пѣвицѣ, искусно рассчитывая, что должно угождать гордой красавицѣ, въ то время, какъ вездѣ говорили о новой звѣздѣ на горизонтѣ Людовика XV; повидимому пѣвица должна была побѣдить маркизу, и отвести ее на задній планъ. Трудно писать всѣ слухи, ходившіе на счетъ приглашенія маркизы. Но еще труднѣе изобразить тонкую, самодовольную улыбку, игравшую на губахъ маркизы Помпадуръ, когда ей описывали великолѣпіе предстоящаго обѣда, и торжество пѣвицы.

Между тѣмъ Леморъ быстро мчалась по улицамъ Парижа, дрожа отъ холода, потому что не смѣла измѣнить своего неподражаемаго наряда тяжелымъ салопомъ и наконецъ, мечтая о тепломъ салонѣ, достигла портала дворца, куда ее пригласили. Привратникъ униженно отворилъ дверцы кареты; на каждой ступенькѣ великолѣпной лѣстницы стояли по два лакея въ парадныхъ ливреяхъ, они кланялись пѣвицѣ, которая, легкая какъ фѣя, порхнула мимо ихъ. Обѣ половинки дверей мраморной залы быстро распахнулись. Красавица весело входитъ въ залу, но комната пуста; въ каминѣ не видно ни искры огня. Проходитъ пять, десять минутъ, четверть часа, красавица страшно зибнетъ, стараясь укрыться отъ холода въ подушкахъ софы; никто не является, ничего не слышно; она подходитъ къ окну, ни одной кареты не стоитъ у подъѣзда. Однако пѣвица перѣшается позвонить, и сердится на свою необдуманность; прежде бывало она всюду являлась цѣлымъ часомъ позже на-

значеннаго времени, теперь радость торжества заставила ее такъ аккуратно явиться, даже раньше условнаго часа; такъ утѣшала себя красавица въ своемъ одиночествѣ.

Прошло еще четверть часа, мадемоазель Леморъ была все еще одна; холодъ до такой степени ее измучилъ, что она уже не колеблясь позвонила; вошелъ камердинеръ и доложилъ:

— Маркиза приказала вамъ сказать, что совсѣмъ забыла про свое приглашеніе и проситъ васъ пріѣхать въ другой разъ обѣдать; сегодня уже поздно.

Съ этими словами камердинеръ ловко растворилъ двери залы и прибавилъ съ низкимъ поклономъ: «Хорошо ли изволили покушать?»

Мадемоазель Леморъ задрожала отъ бѣшенства и стыда, неподвижно простояла нѣсколько минутъ въ залѣ, потомъ шатаясь стала спускаться съ лѣстницы, на каждой ступенькѣ которой по прежнему стояли лакеи; они почтительно же кланялись передъ пѣвицей и говорили: «Хорошо ли изволили покушать!» Леморъ почти безъ чувствъ упала на подушки кареты; привратникъ, снявъ шляпу, также закричалъ въ слѣдъ уѣзжающему экипажу: «Хорошо ли изволили покушать!»

Звѣзда прекрасной Леморъ быстро закатилась. Маркизь де-Буфлеръ на другой же день, послѣ описанной катастрофы, перемѣнилъ ливрею своей прислуги и продалъ карету, которая сдѣлалась предметомъ общихъ насмѣшекъ, послѣ того какъ въ ней прокатилась одуроченная пѣвица. При дворѣ Людовика XV и маркизы Помпадуръ, веселились до упаду и хохоту не было конца.

Юлія Пастрана на Казанскомъ театрѣ.

«Изъ театра мы сдѣлали игрушку, въ родѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми заманиваютъ дѣтей.»

Гоголь.

17 ноября казанскій театръ былъ полонъ. Ракетъ ломился отъ многолюдія; ложи, изъ верхняго яруса которыхъ то выглядывала бородка купца и повязанная платкомъ голова купчихи, то татарскія тубетейки, были набиты биткомъ; передніе ряды креселъ блестя офицерскими эполетами, а въ заднихъ была тѣспота ужасная, ибо тамъ помѣщались лисьи шубы, да тучные обладатели мерлушковыхъ тулуповъ; за креслами возвышалась гора разнохарактерныхъ головъ посѣтителей мѣстъ за креслами. Былъ белефисъ г. Таланова. Давали «Житейскую школу», водевилъ «Небывалый бракъ», да большой дивертисементъ. Я помѣтился въ 8 ряду. Сосѣдъ мой, купчикъ довольно объемистый, въ лисей шубѣ, что-то сердито ворчалъ то себѣ подъ носъ, то обращаясь къ своей толстой спутницѣ, сидѣвшей съ нимъ рядомъ. Наконецъ онъ и со мной началъ разговорецъ.

— Такъ эвто выходитъ надуванція пущена на счетъ Юліи Прастранны - то? Гм... шутъ ихъ бери!.. Я - то бы признаться въ просакъ не попалъ, да супруга-съ—пойдемъ, да пойдемъ касматую черговку смотрѣть!... Вотъ-те и косматая!... Выходитъ здѣшній же актеръ будетъ!... Тьфу!...

Итакъ разгадка этого многолюдія вотъ въ чемъ заключается! Почтенная публика казанская обманулась афишей, въ копцѣ которой огромными буквами было напечатано:

«Извѣстная своимъ феноменомъ-уродства дѣвица Юлія Пастрана.

«будетъ пльть французскій куплетъ «Le bonhomme à manche» и протаниуетъ по.лку».

А подъ этимъ мелкимъ прифтомя — «Пародию исполнить г. Дмитріевъ». — Я сказалъ моему сосѣду, что онъ напрасно не прочелъ послѣдней строчки. Купчикъ досталъ изъ кармана въ 16 разъ свернутую афишу и сталъ на нее смотрѣть. Я удивился, не найдя въ ней этой послѣдней строчки, читанной мною въ другихъ афишахъ. Послѣ я узналъ, что половина афишъ была съ этой послѣдней строчкой, а другая безъ оной и что въ кассу театра многіе посылали даже узнавать, въ чьемъ домѣ остановилась знаменитая Пастрана. Фарсъ или *надуванія*, какъ выразился мой сосѣдъ — купчикъ, удалась какъ нельзя лучше: публика валомъ повалила смотрѣть на Юлію Пастрану. Да, дѣйствительно, теперь бенефициантамъ только такими вещами и можно заманить въ театръ простодушныхъ казанцевъ. Публику казанскую отучили отъ театра. Прошло уже, прошло то время, когда она, большая охотница до театра, пользовалась этимъ удовольствіемъ, доступнымъ всѣмъ и каждому, съ какой-то ненасытной жадностью; прошло то время, когда она зачастую въ восторгъ приходила отъ игры хоть и не всегда артистической, но все-таки хорошей, гг. Дудкина, Милославскаго, Виноградова, Владимірова, г-жъ Прокофьевой, Стрѣлковой, Талановой; прошло то время, когда театръ казанскій удовлетворялъ требованіямъ публики казанской! Честь и слава вышеупомянутымъ артистамъ, честь и слава бывшимъ директорамъ театра!...

А теперь?!.. Теперь, когда вмѣстѣ съ г-жами Стрѣлковой и Талановой, старыми любимцами казанской публики, подвижутся разныя Григорьевы, Калентьевы, Занѣгины, и прочая братія, въ которой не найдешь ни искры таланта, ни одного проблеска сценическаго дарованія, казанская публика не привлечается въ театръ, ее туда калачемъ не заманишь, и были примѣры еще очень недавно, что спектакли по малому сбору отменялись, что бенефицианты едва-едва собирали на освѣщеніе. Вотъ и придумываются фарсы, служащіе приманкой для публики.

А прошлые года показали, что казанская публика не только большая охотница до театра, но что театръ для нея необходимъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ не признать необходимости театра, этой живой книги, этого единственнаго проводника просвѣщенія для огромной массы людей со средствами ограниченными, не могущихъ ни хорошей книги имѣть, ни дорогимъ удовольствіемъ воспользоваться! Какъ не признать полезности театра, когда у многихъ онъ одинъ только можетъ сколько нибудь развить эстетически вкусъ, избавить отъ предразсудковъ и рутины, когда онъ, по выраженію Гоголя, такая каѳедра, съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ, гдѣ при торжественномъ блескѣ освѣщенія, при громѣ музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается знакомый, прятанный порокъ и при тайномъ голосѣ всеобщаго участія, представляется знакомое, робко скрывающееся чувство!.. А у насъ въ Казани на эту каѳедру выпустили толпу бездарныхъ спекулянтовъ, любящихъ не искусство, а деньги и первое число, когда имъ жалованье выдаютъ, убѣжденныхъ, что въ искусствѣ первая вещь — суфлеръ, что истинный артистъ не долженъ ничего читать, и быть безграмотнымъ даже можетъ, только бы деньгу могъ добывать хорошую. Какъ-же послѣ этого ходить въ казанскій театръ? Виновата ли въ этомъ публика, если ее въ немъ угощаютъ какой-то балаганищиной?... Вотъ и слышатся во всѣхъ углахъ жалобы на казанскій театръ и ропотъ на директора театра.

Теперь обращаюсь снова въ бенефису г. Таланова. Не стану

говорить объ общенвѣстной пьесѣ г. Григорьева, и скажу только пару словъ о томъ, какъ ее у насъ разыграли. Первое мѣсто по исполненію принадлежитъ г-жѣ Стрѣлковой — она играла роль Озерской и была безукоризненна. Г-жа Таланова невѣрно поняла роль, и вслѣдствіе этого у ней Трусова вышла какой-то уѣздной крпкуньей, свахой и сплетницей, но никакъ не великосвѣтской сплетницей. Г. Розенбергъ въ роли. Глинскаго показалъ, что онъ артистъ не безъ дарованія, но ему надо много поучиться кой чему, да быть поразвязнѣе и по-смѣлѣе на сценѣ. Г. Григорьевъ былъ положительно дурень въ роли Говоркова. Г. Никитинъ въ роли блестящаго волокиты полковника былъ похожъ на школьника, говорящаго свой урокъ передъ учителемъ. Пьеса не оставила по себѣ никакого впечатлѣнія, ибо прошла вяло, сухо, безжизненно, среди зѣвоты и скуки. За тѣмъ слѣдовалъ водевиль, о которомъ можно сказать только то, что пять дѣйствующихъ лицъ приходили, говорили, уходили, возвращались и все хоромъ пропѣли единственный во всемъ водевилѣ куплетъ затѣмъ, чтобъ публика похлопала. Снисходительная публика захопала и закричала. Пять человекъ вышли и поклонились.

И вотъ занавѣсъ взвился для дивертисемента. Тутъ-то началась потѣха! Изъ за первой кулисы вышли гг. Занѣгинъ и Григорьевъ; г. Григорьевъ изображалъ генерала Бетрищева, а Занѣгинъ какого-то крючка исхудавшаго и сгорбившагося надъ бумагами, сидя въ какомъ-нибудь земскомъ или уѣздномъ судѣ лѣтъ двадцать — это Чичиковъ. Павелъ Ивановичъ (вышеупомянутый крючекъ) рассказываетъ, Бетрищевъ разражается хохотомъ, который заражаетъ публику. Всеобщій шумъ и смѣхъ. Но вотъ Бетрищевъ умылся. Снова потѣха: Чичиковъ рассказываетъ, Бетрищевъ хохочетъ, публика хохочетъ и долго еще продолжаетъ хохотать надъ забавными даже, по уходѣ ихъ. Далѣе... Но чтобъ не надоѣсть перечисленіемъ всѣхъ чудесъ этого громаднаго дивертисемента, я упомяну только о болѣе замѣчательныхъ. Вышелъ г. Новицкій, «не то чтобъ очень пьяный» и на голосъ «фонарики сударики» началъ пѣть «Какъ яблочко румянъ» Курочкина, немилосердно искажая это стихотвореніе прибавленіемъ своего, и пропусками, перевирая и слова и смыслъ. Ушелъ опинканный. Вышли гг. Калентьевъ и Григорьевъ и изобразили сцену «Толстякъ и тощій», наскучившую всѣмъ до крайности, какъ монотонностью изображенія, такъ и каррикатурностью дѣйствующихъ лицъ. Вотъ наконецъ Юлія Пастрана. Въ театрѣ страшный крикъ, шумъ, хохотъ, аплодисменты; оркестра не слышно за этимъ шумомъ; Юлія Пастрана ворочаетъ губами и стоитъ среди сцены. Вотъ она запрыгала, каррикатурно проплясала польку и убѣжала. Bravo, bis! Дмитріева!!! Пастрану!!!

Рецептъ для приготовленія Юліи Пастраны слѣдующій: взять актера небольшого роста (впрочемъ это не необходимо: при большемъ-то оно пожалуй и эффектиѣе), надѣть на этого актера красное коротенькое платье, лицо хорошенько намазать сажей, подвѣсить бороду и заставить его кривляться передъ публикой.

И такъ вотъ теперь что на казанскомъ театрѣ, когда-то считавшемся лучшимъ изъ провинціальныхъ! Въ заключеніе приведу остроту, которой отвѣтилъ мнѣ одинъ здѣшній актеръ на мое негодованіе на этотъ фарсъ: публика отличается отъ аэроstats тѣмъ, что аэроstats сначала надуютъ, и потомъ пустятъ, а публику сначала пустятъ, а потомъ надуютъ.

И. Аркановъ.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Театръ въ Ригѣ. — Парижскія новости. — Новые пьесы. — Механическая рука Роже. — Вѣсти изъ Германіи. — Комедія Шиллера. — Посмертныя произведенія Роберта Шуманна. — *Wintermärchen* Шекспира въ Веймарѣ. — Концерты и опера въ Лондонѣ.

Послѣ трагедій Шиллера и Гёте, представленныхъ на рижской сценѣ, съ слабымъ успѣхомъ, такъ какъ трагическія роли были не по силамъ рижскимъ актерамъ, комедія г-жи Бирхъ-Пфейферъ: *Die Grille*, имѣла огромный и заслуженный успѣхъ. Главная роль прекрасно была исполнена талантливой актрисой, г-жей Гейстингеръ, по справедливости любимой публикой.

Въ прошедшемъ №, говоря о Парижскихъ театрахъ мы упустили двѣ новыя пьесы, данныя одна на сценѣ *Одеона*, другая на театрѣ *Ambigu Comique*. Первая — комедія Поля Жюльера, подъ названіемъ *Les Equipées de Stenio*, имѣла посредственный успѣхъ. Эта комедія совершенно въ итальянскомъ вкусѣ и напоминаетъ частію *Севильскаго Цирюльника*, частію *Маріонъ Делормъ*. Итальянскій музыкантъ Стеніо, чтобъ помочь своему влюбленному другу увести его возлюбленную, дурчить стараго опекуна и глупаго жениха красавицы. Для похищенія онъ употребляетъ извѣстный способъ переодѣванія, который ему вполне удается. Не смотря на то, что комедія написана гладкими стихами, она была прослушана довольно холодно публикой *Одеона*.

Вторая пьеса, представленная на театрѣ *Амбигю*, называется *Le Marchand de coco* и принадлежитъ неутомимому перу Деннери и Фердинанда Дюге. Объ этой драмѣ было много говорено до появленія ея на сценѣ, такъ какъ главная роль въ ней назначалась знаменитому Фредерику Леметру. Одно время эта драма была задержана цензурой и наконецъ послѣ многихъ препятствій и затрудненій представлена на сценѣ *Амбигю*. Продавецъ коко Гаспаръ укрываетъ у себя бонапартиста. (Дѣйствіе происходитъ въ 1815 г. вскорѣ послѣ борьбы роялистовъ съ бонапартистами). Злодѣй родственникъ, (злодѣй необходимъ въ драмахъ г. Деннери) предастъ Гаспара и все его семейство въ руки правительства; ихъ сажаютъ въ тюрьму и приговариваютъ къ вѣчной ссылкѣ, но возвращеніе императора съ острова Эльбы измѣняетъ судьбу заключенныхъ и они получаютъ свободу. Къ драмѣ приплетены еще преслѣдованія злодѣемъ пріемной дочери продавца коко; разумеется, гсѣ его гнусные планы, во время, разстроиваются добродѣтельнымъ Гаспаромъ. Успѣху драмы много содѣйствовала неподражаемая игра знаменитаго Леметра и г-жи Пажъ.

Въ одномъ изъ засѣданій Академіи Наукъ былъ представленъ отчетъ механика Мальера, изъ Лилля, объ устройствѣ механической руки знаменитаго Роже. Извѣстно, что въ свой бенефисъ Роже удивилъ всѣхъ своей искусственной рукой, дѣйствующей съ необыкновенной свободой, непринужденностью и граціей. Роже перемѣнилъ въ этотъ вечеръ три руки, работы разныхъ механиковъ, изъ которыхъ работа послѣдняго возбудила вниманіе членовъ французской Академіи Наукъ.

Переходя къ Германіи, начнемъ весьма занимательнымъ извѣстіемъ для театральнаго міра. Родственникъ Шиллера, Альфредъ Вольцогенъ, пишетъ одной Вѣнской газетѣ о существованіи въ рукописи оригинальной, единственной комедіи Шиллера. Комедія состоитъ изъ ряда комическихъ сценъ, взятыхъ изъ жизни совѣтника Дрезденской консисторіи Кернера, друга Шиллера, въ домѣ котораго Шиллеръ, до 27-ми лѣтъ, испытывавшій всю горечь и обманъ жизни, нашелъ тихое спо-

койствіе. Содержаніе комедіи, въ своемъ родѣ, довольно оригинально; вотъ его образчикъ: «8 часовъ утра. Кернеръ стоитъ совсѣмъ одѣтый, чтобъ идти въ консисторію. Входятъ слуги: каждый изъ нихъ спрашиваетъ о чемъ нибудь; потомъ семейство совѣтника, за нимъ парикмахеръ, банкиръ, просители постепенно приводятъ терпѣливаго Кернера въ раздраженіе; наконецъ является какой-то кандидатъ богословія и предлагаетъ прочесть свое *разсужденіе* г-ну совѣтнику консисторіи. Окончательно выведенный изъ терпѣнія, Кернеръ указываетъ кандидату на дверь. Но добродушіе тотчасъ же беретъ верхъ надъ грубостью и Кернеръ проситъ свою дочь Минну бѣжать за выгнаннымъ кандидатомъ и пригласить его къ обѣду...» и т. д., все въ этомъ родѣ. — По смерти Кернера, въ 1831 г., комедія была куплена Кюнциелемъ, обладавшимъ огромнымъ собраніемъ рѣдкихъ автографовъ, съ неперемѣннымъ условіемъ, никогда не издавать ее, потому что въ комедіи между сценами, въ высшей степени комическими, были сцены несовсѣмъ приличныя. Остается ждать, когда комедія эта попадетъ въ руки, несвязанныя никакимъ условіемъ. Произведеніе, въ новомъ родѣ, великаго писателя существуетъ, слѣдовательно принадлежитъ свѣту и неперемѣнно явится въ печати — за это ручается имя его знаменитаго автора.

Вѣроятно, многіе изъ нашихъ читателей знакомы съ произведеніями умершаго композитора Роберта Шуманна, и потому извлекаемъ изъ германскихъ журналовъ свѣдѣніе, что недавно вышли изъ печати во Франкфуртѣ нѣсколько музыкальных пьесъ Шуманна, оставшихся неизданными послѣ его смерти. Изъ нихъ назовемъ: Увертюру къ поэмѣ Гете: *Германъ и Доротея*, написанную въ Дюссельдорфѣ, въ 1851 г. *Испанскіе романсы*, дышащіе южной нѣгой и страстью. — *Баллада о королевской дочери и пажѣ*; музыка въ высшей степени драматичная. — Наконецъ *Охотничьи тѣсни*, отличающіяся самымъ оригинальнымъ колоритомъ. — Это послѣдняя, лебединая пѣсня молодаго композитора, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ и таланта.

Въ Веймарѣ дана съ успѣхомъ *Wintermärchen* Шекспира, съ музыкой Флотова.

Въ Лондонѣ, въ третьемъ концертѣ Кристальнаго Дворца, въ память Шпора, исполнены исключительно произведенія этого композитора. Въ одномъ изъ *квартетовъ* Шпора первыя скрипки играли два знаменитые скрипача: Сентонъ и Вѣнявскій. — Нѣкто, мистеръ Штранге, буфетчикъ Кристальнаго Дворца, устроилъ, по примѣру знаменитаго Жюльена, концерты-прогулки, въ которыхъ исполняется музыка Мендельсона, Вебера, Бетховена и др. Первый концертъ былъ данъ въ честь Мендельсона и назывался *Менделсонова Ночь*; затѣмъ готовится *Ночь Бетховена*. Эти ночи отличаются тѣмъ, что въ назначенныхъ концертахъ исполняются исключительно произведенія тѣхъ композиторовъ, въ честь которыхъ они устроены. — Изъ оперъ, въ послѣднее время имѣли успѣхъ на сценѣ Ковентгарденскаго театра, исполненныя англійской труппой пѣвцовъ, опера Бальфа: *Rose of Castille* и опера Обера: *Crown Diamonds*. (*Les Diamants de la Couronne*).

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУНСТКАМЕРА.

Въ прошедшемъ году знаменитый музыкантъ и музыкальный критикъ Гекторъ Берлиозъ издалъ въ Парижѣ книгу сатирическаго содержанія, подъ заглавіемъ *Les grotesques de la musique*, гдѣ изливаетъ свою желчь противъ современнаго ему музыкальнаго міра. Берлиозъ имѣетъ полное право быть озлобленнымъ противъ французскихъ музыкантовъ, — знатоковъ и противъ французской публики, оттого

пронія его, усмѣшка, съ которою онъ безошадно казнитъ своими сарказмами тупость, безсмысленность, кривизну взгляда и души, по музыкальнымъ дѣламъ, часто отзываются чѣмъ-то трагическимъ. Множество мелкихъ анекдотовъ, между тѣмъ, которые онъ рассказываетъ съ истинно-французскою ловкостью — до того забавны, и до того патуральны, что невольно является мысль собрать еще нѣсколько подобныхъ курьезностей, въ видѣ продолженія берлиозовой книги. Опытъ такого рода я сдѣлаю подъ заглавіемъ, выставленнымъ выше. Отъ времени до времени подъ такою рубрикою буду помѣщать небольшіе отдѣльные случаи — всего чаще изъ числа нашихъ, отечественныхъ, потому что въ томъ отношеніи, въ которомъ Берлиозъ смѣется надъ Франціей, кажется всѣ публики въ свѣтѣ одинаковы.

I.

Невозможная гениальность.

(Сцена въ музыкальномъ магазинѣ *).

Дама (*перелистывая тетради нотъ, жемая что-нибудь для себя выбрать*). Рѣшительно ничего нѣтъ мнѣ по вкусу!

Мужъ дамы. Да ты взяла бы что нибудь изъ оперъ Глинки.

Дама. Вотъ охота! Его оперы такія скучныя!... (*опять небрежно и съ досадою перелистываетъ*).

Господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ (*разсматриваетъ ноты въ другомъ углу магазина, потомъ вслушавшись въ отъѣтъ дамы, ему незнакомой, подходитъ къ ней и къ ея мужу*). Вотъ, вы изволили сказать о Глинкѣ. Это въ самомъ дѣлѣ удивительная вещь какъ нынче пишутъ въ журналахъ! Вы, я думаю, изволили читать въ Музыкальномъ Вѣстникѣ — уже нѣсколько лѣтъ криду, чуть не въ каждомъ №, все трубятъ: «Глинка! великій, бессмертный писатель! гений!!!» — Ну, на что же это похоже? Я Глинку очень близко зналъ лично — ничего, такъ себѣ человѣчекъ какъ и всѣ! Помилуйте, — откуда же это взяли, что онъ гений, когда я самъ сколько разъ съ нимъ чай пилъ!

Дама (*къ мужу*). Вотъ видишь! я тебѣ всегда говорила, что ты Богъ знаетъ, что хвалишь! (*уходитъ съ мужемъ*)

II.

Быстрые успѣхи.

«Представьте себѣ» твердитъ одинъ счастливый отецъ каждому изъ своихъ знакомыхъ — «каковъ мой Павлуша! только второй годъ учителя на скрипкѣ, а теперь, въ дѣтствахъ съ учителемъ, постоянно, самого учителя тактовъ на пять обгоняетъ!»

III.

Децима и удецима.

Нѣкто щеголялъ въ присутствіи извѣстнаго пианиста-любителя Н. С. М., блестящимъ на славу исполненіемъ варіацій Г. на тему изъ «Elisir d'Amore».

Въ одной варіаціи Н. С. М. былъ пораженъ постояннымъ нестерпимо-дикимъ и безсмысленнымъ диссонансомъ въ продолженіе нѣсколькихъ тактовъ.

«Быть не можетъ, чтобъ такъ было въ потахъ — тутъ у васъ ошибка».

«Нѣтъ-съ, не ошибка» возразилъ виртуозъ-исполнитель скромно, но съ самодовольной улыбкой. «Господинъ Г. написалъ въ этомъ пассажѣ дециму, а я такъ растянулъ свои пальцы, что могу легко брать одинадцатую ноту. Я и беру ее вмѣсто децимы».

А. Сѣровъ.

Мой протестъ противъ „объясненія“, помѣщеннаго отъ редакціи въ № 1 Театр. и Муз. Вѣстника.

Никто изъ читателей нашего журнала не можетъ себѣ представить во всей силѣ моего непріятнѣйшаго изумленія, когда я сталъ читать въ воскресенье, 3 января, только что вышедшій № Вѣстника, и въ объясненіи по случаю вѣчной борьбы Вѣстника съ псевдонимомъ, «Ростиславомъ» — встрѣтилъ много разъ мое непсевдонимное имя и даже съ многими мнѣ комплиментами, тогда какъ я обо всемъ этомъ объясненіи рѣшительно не слыхалъ ни одного слова, до выхода этой статьи въ свѣтъ!

Враги нашего журнала, постоянно на сторожѣ противъ редакціи вообще и противъ меня въ особенности, считаютъ меня, быть можетъ, полнымъ представителемъ *всего*, что въ Вѣстникѣ и при Вѣстникѣ печатается по части музыкальной и музыкально-полемической, считаютъ меня участвующимъ и слѣдовательно, отвѣтственнымъ въ статьяхъ, помѣщаемыхъ отъ имени «Редакціи». — Воображаю себѣ радость нашихъ противниковъ, когда теперь, къ расточаемому мнѣ эштету критика-самозванца, эти господа имѣютъ поводъ прибавить еще, что я «критикъ-самохвалъ».

Спѣшу, по обыкновенію своему, то есть *согласно сущей правдѣ дѣла*, удостовѣрить читателей (враждебныхъ и не враждебныхъ), что я знаю о тѣхъ только статьяхъ Вѣстника, которыя поступаютъ въ редакцію *за моею подписью*. Все прочее, помѣщаемое въ Вѣстникѣ, печатается *безъ малѣйшаго моего одобра*.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ; хотя «объясненіе» противъ неугомонно-лаяющаго на насъ Р... или Ростислава написано дѣльно, съ большою правдивостью и съ большимъ толкомъ, я никакъ бы не *согласился* на печатаніе той части этого объясненія, гдѣ идетъ рѣчь собственно обо мнѣ, гдѣ редакція *оправдываетъ* мои мнѣнія противъ статьи, помѣщенной въ № 49 «Искры».

Не говоря уже о неловкихъ со стороны редакціи похвалахъ одному изъ главнѣйшихъ *своихъ же* сотрудниковъ, самая статья въ шуточномъ журналѣ «Искра» вовсе не относится къ области музыкальной полемики и возраженія на эту статью, по моему убѣжденію, никакъ не должны были имѣть мѣста въ журналѣ, для котораго музыкальная критика есть дѣло *спеціальное и очень серьезное*.

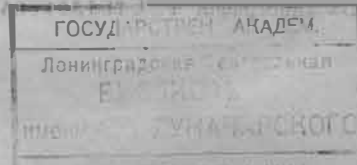
Если взять статью въ «Искрѣ» со сколько-нибудь серьезной, т. е. логической точки, то всѣ «дѣйствующія лица» въ этихъ сценахъ (съ притязаніемъ на остроуміе, сатиру и колкость), когда разсуждаютъ объ операхъ и моихъ взглядахъ произносятъ на каждомъ шагѣ осужденіе себѣ самимъ, т. е. своему пониманію дѣла, и своей логикѣ.

Хорошъ эстетикъ «Владиміръ Ивановичъ» (въ помянутыхъ сценахъ), который повторяетъ отдѣльные выраженія изъ моихъ писемъ о Вагнерѣ, превращая эти выраженія, посредствомъ восклицаній своихъ, въ безсмыслицу и на основаніи *собственныхъ же* возгласовъ, сжигаетъ въ своемъ каминѣ партитуры знаменитѣйшихъ въ свѣтѣ оперъ!

Хорошъ «господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ», который, не слыхавъ ни одной ноты изъ оперы Вагнера, добивается получить музыку *тамбовъ* (!) изъ этихъ оперъ, для своей танцевальной вечеринки!

Хорошъ другой господинъ, который, не имѣя понятія о совершенной Вагнеромъ реформѣ въ складѣ оперъ, непремѣн-

*) Быль.

по ищетъ въ музыкѣ Вагнера какой-нибудь *аріи* (!) для своего баритона, чтобы «щеголнуть» эту арію на музыкальномъ вечерѣ! Не только въ *исполнители*, но даже въ число *публики* для своей музыки Вагнеръ нисколько не желаетъ подобныхъ господъ, для которыхъ очень достаточно пробавляться итальянскими кабалеттами и французскими романсиками.

Но еще лучше этихъ господъ «Николай Петровичъ», для котораго годъ 1856 и годъ 1859 все равно, что *сегодня* и — *завтра*.

Изъ моихъ словъ, что о «Вагнерѣ много ходитъ еще по свѣту толковъ безсмысленныхъ или умышленно-кривыхъ» — и что въ славѣ Вагнера очень важную роль играетъ Францъ Листъ, — «Николай Петровичъ» логическимъ послѣдствіемъ выводитъ — что бы вы думали? — что я провозглашаю, будто бы «никто изъ Европы, кромѣ меня, не могъ понять и достойно оцѣнить Вагнера» —?!

И это еще не все! Верхъ логическаго совершенства и представитель *направленія* музыкальной критики въ «Искрѣ» это — «Владиміръ Тимофеевичъ!» — Какъ только встрѣтилось словечко «логично» — Владимиръ Тимофеевичъ (Искра, № 49, стр. 504) — *знаетъ*, пропускаетъ *несколько страницъ*, потомъ *продолжаетъ чтеніе послѣ пропуска* — и дѣлаетъ свои *умозаключенія*, что тутъ написано — «чортъ знаетъ что-такое!»

Можетъ быть въ «Искрѣ», наоборотъ, противъ естественнаго порядка вещей, мелькнетъ хоть одна искра толку, и по музыкальнымъ дѣламъ, если читать ея музыкальныя сцены *à la* Владимиръ Тимофеевичъ, черезъ пятое слово, въ двадцать пятое. Обыкновенно же критическія мнѣнія, особенно о такомъ предметѣ, какъ Вагнеръ — пишутся *не для* Владиміровъ Тимофеевичей, а для читателей, которые понятій «логика, логическое развитіе» не пугаются и умѣютъ читать строки и страницы *кראду*.

Плачевно состояніе той музыкально-критической литературы (!), гдѣ какіе нибудь Владиміры Тимофеевичи, лишенные способности даже «читать» со смысломъ — берутся «писать»

о музыкѣ, осмѣливаются печатно браторствовать на пользу публики въ Сѣверныхъ Цвѣткахъ и Пчелкахъ, по *возражать серьезно* такого рода «инфузоріямъ» журнальнаго міра считаю самоуниженіемъ, до котораго не долженъ спускаться никто изъ понимающихъ высокое значеніе и назначеніе искусства и его критики.

По этому убѣжденію, недавно развившемуся во мнѣ въ полной силѣ, и г. Ростиславъ можетъ быть теперь весьма спокоенъ! Противъ *его* музыкальныхъ бесѣдъ я писать больше не стану ни слова, хотя бы его музыкально-паркетныя разглагольствія были еще безцвѣтнѣе и еще нелѣпѣе прежнихъ, хотя бы онъ, продолжая дѣйствовать по системѣ Булгарина и К. Полеваго, доходилъ въ ожесточеніи противъ нашего журнала, какъ въ нынѣшній разъ, до поступковъ — совѣстью и полиціею воспріемаемыхъ.

А читателей нашихъ прошу еще разъ: мнѣ приписывать только тѣ строчки, подъ которыми напечатано:

А. СЪРОВЪ.

ОПЕЧАТКА.

Въ № 1-мъ, въ статьѣ о концертѣ г-жи Старкъ, на стр. 2, въ столбцѣ второмъ напечатано:

Подъ перстами Листа фортепіано сдѣлалось «микрокосмомъ», малымъ, но полнымъ, замкнутымъ въ себѣ міромъ, который въ отвлеченно-музыкальномъ значеніи можетъ очень поспорить съ «микрокосмомъ музыки», т. е. съ оркестромъ и съ сочетаніями вокально-оркестровыми.

Отъ перемѣны въ одной буквѣ *весь смыслъ* фразы утратился.

Вмѣсто: «съ микрокосмомъ музыки» должно читать «съ макрокосмомъ».

Моя мысль — противоположеніе фортепіано, какъ *малаго* музыкальнаго міра (*microcosmos*) *большому* міру музыкальному (*macro cosmos*) т. е. оркестру и голосамъ.

А. СЪРОВЪ.

РЕПЕРТУАРЪ

съ 1-го по 9-е число января.

ТЕАТРЫ:

Александринскій.

- 1-го ч. Русалка, опера А. С. Даргомыжскаго.
 - 2-го — Berlin wie es weint und lacht.
 - 3-го — Вѣдность не порокъ, комедія Островскаго. — Дочь 2-го полка, комедія-оперета. — На ловца и звѣрь бѣжитъ, водевилъ А. П.
 - 4-го — Русалка.
 - 5-го — Спектаклей не было.
 - 6-го — Иголкинъ, кунецъ нижегородскій, историч. былъ въ 1 д., соч. Полеваго. — Амшва, комед. вод. въ 1 д., передѣланная П. С. Федоровымъ. — 13-й женихъ или мечты до свадьбы, шутка въ 1 д. Новикова. — Левъ Гурмычъ Синичкинъ, комедія водевилъ въ 5 д.
 - 7-го — Гроза, драма Островскаго. — Весною, фантазія въ 1 д. — Пансіонерка, комедія въ 1 д.
 - 8-го — Шейлокъ, венеціанскій жидъ, драматическое представленіе въ 5-ти дѣйствіяхъ. — Любовный напитокъ, драматическій эскизъ съ куплетами. — Донъ Рандо до-Калибраторъ или что и честь, когда нечего вѣтъ, вод. въ 1 д. — Дивертиссементъ. (бенефисъ г. Самойлова).
 - 9-го — Eine Stunde aus Schillers Leben. — Ein Ehepaar aus der alten Zeit. — Die glücklichen Inseln. — Fromm und weltlich. Der Karmärker und die Picarde im Jahre 1815. (бенефисъ г. Голландя).
- Большой.
- 1-го — Севильскій цирюльникъ, Россини.
 - 2-го — Волшебный стрѣлокъ, опера Вебера.
 - 3-го — Лезгинскіе танцы. — Грациелла. — 2 п 3 д. балета Жювита.
 - 4-го — Донъ-Жуанъ, опера Моцарта.
 - 6-го — Трубадуръ, опера Верди.
 - 7-го — Лезгинскіе танцы. — 1 д. д. балета Перп. — Робертъ и Бертрамъ балетъ въ 2 д.
 - 8-го — Донъ-Жуанъ.
 - 9-го — Травиата. (бенефисъ г. Кальцолари).

Михайловск. 1-го — Минутое заблужденіе, комедія въ 4 д., Куликова. — Игроки, Гоголя. — Петербургскія дачи, комедія водев. П. Каратыгина. — Простушка и воспитанная, вод. Ленскаго.

2-го — Brutus lache César comédie-vaudeville, chant : m-r Tamberlik, M-me Nantier-Didiée. — Les petits péchés de la grand' maman, vaudeville. — La femme aux oeufs d'or, vaudeville, chant: m-r Tamberlik, m-me Nantier-Didiée. — Le Baron de Furchevif, comédie. — Un homme à plaindre. Le Foyer des artistes du théâtre Michel — tableau vivant. (бенефисъ г. Давелун).

3-го — Les faux Bonshommes, comédie en 4 actes. — Riched'amour, comédie-vaudeville.

4-го — Горь отъ ума, комедія Грибоѣдова. — Картина съ натуры, комедія. — Макарь Алексѣевичъ Губкинъ, оперета.

6-го — Die Maschinenbauer von Berlin, Volksstück.

7-го — Brutus lache César. — Les petits péchés de la grand' maman. — La femme aux oeufs d'or. — Un homme à plaindre. — S'aimer sans y voir.

8-го — Випдзорскія амушки, комическо-фантастическая опера. — Дивертиссементъ.

9-го — Qui femme a, guerre A'. — La Sarabande du Cardinal de Richelieu. — Les petits péchés de la grand' maman. — Les Canotiers de la Seine.